

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-3>

УДК 339.9:332.1(575.4/.7+470)

JEL F15, F21, F42, O19, R11

Ю. Ли

Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук, г. Пекин, Китай

Интеграционные процессы в центральной Азии и трансформация роли России: институциональная эволюция, экономическая взаимосвязанность и региональная субъектность¹

Аннотация. Интеграционные процессы в Центральной Азии развиваются в условиях сочетания унаследованной от советского периода структурной взаимозависимости, диверсификации внешнеэкономических связей и усиления самостоятельности государств региона. Цель исследования состоит в выявлении основных этапов центральноазиатской интеграции и определении характера трансформации роли России в региональной экономической и институциональной системе. Теоретическую основу работы составляют концепции нового регионализма, исторического институционализма и региональной субъектности. Исследование охватывает период 1991–2025 гг. и включает Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Применяются процесс-трейсинг, сравнительно-исторический и структурно-функциональный анализ, анализ документов и описательная интерпретация статистических данных Евразийской экономической комиссии, Всемирного банка и OECD. Выделены три этапа развития интеграционных процессов: государственное строительство и внешне обеспечиваемое сотрудничество в 1991–2004 гг.; институционализация российских интеграционных инициатив и множественная интеграция в 2005–2017 гг.; усиление внутрирегиональной координации и открытый регионализм после 2018 г. Установлено, что изменение роли России носит функционально дифференцированный характер: относительное снижение центральности наиболее заметно в торговле, инвестициях и нормативной привлекательности, тогда как трудовая миграция, денежные переводы, энергетика, безопасность, транспортные и русскоязычные коммуникационные сети сохраняют высокую устойчивость. Российско-украинский конфликт ускорил диверсификацию маршрутов и партнёрств, но не привёл к разрыву экономических и институциональных связей. Центральноазиатская интеграция развивается не по траектории вытеснения России, а в форме многоуровневого сочетания внутрирегиональных, евразийских и трансрегиональных механизмов. Теоретическая значимость исследования заключается в разграничении центральноазиатской и евразийской интеграции и в представлении российского влияния как совокупности экономических, институциональных, социальных, инфраструктурных и нормативных компонентов.

Ключевые слова: Центральная Азия, региональная интеграция, Россия, ЕАЭС, региональная субъектность, экономическая взаимосвязанность, трудовая миграция, транспортные коридоры, открытый регионализм, множественная интеграция, Большая Евразия

Благодарность: Автор выражает признательность анонимным рецензентам и редакции журнала за замечания, способствовавшие уточнению структуры и аргументации статьи. Статья подготовлена в рамках инновационного проекта Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук «Многосторонние и региональные механизмы сотрудничества и управления в Евразийском регионе с позиций регионализма и регионального управления» (номер инновационного проекта: 2024ЕОУВ03).

Для цитирования: Ли, Ю. (2026). Интеграционные процессы в центральной Азии и трансформация роли России: институциональная эволюция, экономическая взаимосвязанность и региональная субъектность. *Экономика региона*, 22(3), 503–517. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-3>

¹ © Ли Ю. Текст. 2026.

Integration Processes in Central Asia and the Transformation of Russia's Role: Institutional Evolution, Economic Interconnectedness, and Regional Agency

Abstract. Integration processes in Central Asia are developing under the combined influence of structural interdependence inherited from the Soviet period, diversification of external economic relations, and the growing autonomy of regional states. The aim of this study is to identify the main stages of Central Asian integration and to determine the nature of the transformation of Russia's role in the regional economic and institutional system. The theoretical framework of the study is based on the concepts of new regionalism, historical institutionalism, and regional agency. The research covers the period from 1991 to 2025 and examines Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, and Uzbekistan. The study combines process tracing, comparative-historical and structural-functional analysis, document analysis, and descriptive analysis of statistical data from the Eurasian Economic Commission, the World Bank, and the OECD. Three stages of integration development are identified: state-building and externally supported cooperation (1991–2004); institutionalization of Russian integration initiatives and multiple forms of integration (2005–2017); and strengthening of intra-regional coordination and open regionalism after 2018. The findings demonstrate that the transformation of Russia's role is functionally differentiated: a relative decline in centrality is most evident in trade, investment, and regulatory attractiveness, while labour migration, remittances, energy cooperation, security relations, transport networks, and Russian-language communication networks remain highly resilient. The Russia–Ukraine conflict accelerated the diversification of routes and partnerships but did not result in a rupture of economic and institutional ties. Central Asian integration is developing not through the displacement of Russia, but through a multi-level combination of intra-regional, Eurasian, and transregional mechanisms. The theoretical contribution of the study lies in differentiating between Central Asian and broader Eurasian integration processes and conceptualizing Russian influence as a combination of economic, institutional, social, infrastructural, and normative dimensions.

Keywords: Central Asia, regional integration, Russia, Eurasian Economic Union, regional agency, economic interdependence, labour migration, transport corridors, open regionalism, multiple integration, Greater Eurasia

Acknowledgments: *The author expresses gratitude to the anonymous reviewers and the journal's editorial team for their comments, which helped improve the structure and argumentation of the article. The article was prepared within the framework of the Innovation Project of the Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences, "Multilateral and Regional Mechanisms of Cooperation and Governance in the Eurasian Region: From the Perspectives of Regionalism and Regional Governance" (Innovation Project No. 2024EOYB03).*

For citation: Li, Y. (2026). Integration Processes in Central Asia and the Transformation of Russia's Role: Institutional Evolution, Economic Interconnectedness, and Regional Agency. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 22(3), 503–517. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2026-3-3>

Введение

После распада Советского Союза пять государств Центральной Азии одновременно столкнулись с задачами государственного строительства, рыночной трансформации, пограничного регулирования и формирования новой региональной системы. Унаследованные транспортные коммуникации, энергетические сети, производственные цепочки, рынок труда и механизмы безопасности сохраняли высокую степень трансграничной взаимозависимости. Поэтому укрепление национального суверенитета не могло быть достигнуто посредством простого разрыва прежних связей. Одновременно новые государства стремились не допустить восстановления такой институциональной модели, которая вновь поставила бы регион в структурную зависимость от одного внешнего центра силы.

Центральноазиатская интеграция с самого начала имела двойственную природу. С одной стороны, она служила функциональным инструментом снижения издержек внутриконтинентального положения, фрагментации рынков и трансграничных угроз. С другой стороны, развитие регионального сотрудничества расширяло возможности государств Центральной Азии проводить многовекторную политику и усиливать собственную переговорную позицию во взаимодействии с Россией, Китаем, западными странами, Турцией и другими внешними партнёрами (Cooley, 2012; Laruelle, 2017; Чжан, 2022).

Россия остаётся наиболее устойчивым внешним участником этих процессов. Источником её влияния выступает не только историческое восприятие региона как пространства особых интересов, но прежде всего институциональная и экономическая связанность, сформированная

в советский период. СНГ, ОДКБ и ЕАЭС образуют основные организационные опоры российского присутствия; военная инфраструктура, совместные учения, приграничное сотрудничество, энергетические сети, рынок труда и русскоязычная коммуникационная среда придают этому присутствию устойчивый функциональный характер (Jackson, 2003; Малашенко, 2012; Silvan, 2021).

Государства региона, однако, не являлись пассивными объектами российской интеграционной политики. Инициатива Евразийского союза, выдвинутая Н.А. Назарбаевым в 1994 г., создание Центральноазиатского экономического сообщества и регуляризация консультативных встреч глав государств Центральной Азии после 2018 г. показывают, что страны региона одновременно используют внешние институты и создают собственные механизмы координации.

События после 2022 г. сделали противоречия данной модели более заметными. Санкции, перестройка логистики, риски вторичных ограничений и усиление дискуссий о суверенитете снизили приемлемость России в качестве единственного центра регионального порядка. Вместе с тем российское влияние в безопасности, энергетике, торговле, миграции и языковой сфере не исчезло. Казахстан и Узбекистан ускорили развитие Транскаспийского международного транспортного маршрута, механизма «Китай — Центральная Азия» и Организации тюркских государств, продолжая при этом поддерживать крупномасштабные экономические связи с Россией. Кыргызстан и Таджикистан сохраняют особенно высокую зависимость от российского рынка труда и связанных с ним денежных переводов. В результате в Центральной Азии сложилась ситуация, характеризующаяся не простой дерусификацией, а сосуществованием многоуровневых институтов, разделением функций по вопросам и перебалансировкой отношений (Kazantsev et al., 2021; Цзэн, 2024; Silvan, 2022).

Научная проблема состоит в том, что российское влияние часто измеряется как единая величина и описывается либо как рост, либо как упадок. Такой подход не учитывает разнонаправленную динамику торговли, инвестиций, безопасности, миграции, институционального предложения и нормативной легитимности. Кроме того, центральноазиатская интеграция нередко смешивается с евразийской интеграцией, хотя первая отражает внутреннюю координацию пяти государств, а вторая — деятельность большего количества институтов, в которой Россия играет ведущую роль. Её влияние в дальнейшем будет зависеть в первую очередь не от исторических связей, а от способности снизить дополнительные политические требования к сотрудничеству, повысить эффективность ин-

ститутов и учитывать стратегическую автономию стран Центральной Азии.

Основной исследовательский вопрос формулируется следующим образом: ведёт ли укрепление внутрирегиональной координации Центральной Азии к вытеснению России или к функциональной перестройке её роли? Россия переходит от роли институционального руководителя с иерархическим характером к роли ключевого координатора и поставщика общественных благ, сохраняющего преимущества в таких областях, как безопасность, трудовые ресурсы, энергетика и евразийские коридоры.

Цель исследования — выделить этапы центральноазиатской интеграции и объяснить, каким образом развитие региональной субъектности меняет экономические и институциональные функции России. Для достижения цели решаются три задачи: выявляются этапы эволюции регионального сотрудничества; анализируются механизмы российского участия; оценивается влияние изменений после 2022 г. на структуру региональных институтов и экономических связей. Авторская гипотеза заключается в том, что интеграция развивается не по линейной траектории от российского доминирующего положения к исключению России, а как сочетание усиления внутреннего сотрудничества, сосуществования внешних институтов и перераспределения российских функций.

Обзор литературы

Ранние западные исследования рассматривали Центральную Азию прежде всего как пространство постсоветского государственного строительства, слабости институтов и соперничества великих держав. M.B. Olcott (1996) подчёркивала противоречие между формированием национальной государственности и сохранением экономической взаимозависимости. R. Allison (2004) связывал ограничения регионального сотрудничества с приоритетом режимной безопасности, асимметрией потенциалов и вмешательством внешних акторов.

O. Roy (2000) показал, что региональная трансформация связана с конструированием новых национальных идентичностей и политических пространств. A. Cooley (2012) развил тезис о том, что государства Центральной Азии способны использовать конкуренцию внешних партнёров, осуществляя институциональный и ресурсный арбитраж. Коллективные исследования под редакцией M. Laruelle (2017) дополнительно продемонстрировали, что внутренние социальные, экономические и политические изменения формируют самостоятельную региональную динамику, не сводимую к колебаниям российского влияния.

Теория нового регионализма расширила понимание интеграции за пределы европейской наднациональной модели. Региональное сотрудничество может развиваться через регулярные политические консультации, отраслевые проекты, функциональные сети и институциональное наложение (Hettne & Söderbaum, 2000). Для Центральной Азии эта перспектива особенно значима: государства не готовы к масштабной передаче суверенитета, однако устойчиво координируют вопросы транспорта, водных ресурсов, границ, торговли и безопасности.

Исследования российской политики прошли путь от анализа восстановления сферы влияния к изучению дифференцированных механизмов участия. Jackson (2003) рассматривал политику России в СНГ как сочетание задач безопасности, идентичности и великодержавного статуса. Liu Fenghua (2007) выделил переход от относительного невнимания к региону в 1990-е гг. к активизации двусторонних и многосторонних механизмов в период президентства В.В. Путина.

Тренин (2008) подчёркивал, что российские интересы включают безопасность южных рубежей, экономические и миграционные связи и сохранение евразийского статуса, но не гарантируют принятия иерархического порядка государствами региона. Малащенко (2012) отмечал сочетание глубокого историко-культурного капитала с ограниченностью экономических ресурсов, необходимых для монопольного влияния.

Silvan (2021; 2022) предлагает наиболее продуктивную для настоящего исследования трактовку: российское влияние снижается постепенно и неравномерно. Экономическая центральность меняется быстрее, чем социально-языковые и безопасностные связи. Kazantsev et al. (2021) рассматривают российско-китайское взаимодействие как сочетание координации, функционального разделения и асимметрии, а не как простую игру с нулевой суммой.

Работы по евразийской интеграции выявили устойчивое противоречие между развитостью формальных институтов и ограниченной реализацией решений. Вардомский и др. (2005) указывали на сходство экспортных структур, различия в уровнях развития и слабость исполнения. Libman и Vinokurov (2012) предложили концепцию удерживающей интеграции, а Dragneva и Wolczuk (2017) показали, что развитая правовая структура ЕАЭС ограничивается геополитическими целями и чувствительностью членов к суверенитету. Ван Чжи (2018) анализирует Евразийский экономический союз с точки зрения как достижений, так и вызовов, отмечая существование процесса формирования единого рынка и политических опасений; Ван Чжи (2023) дополнительно использует термин «многоуров-

невая интеграция» для описания реалий управления в регионе Евразии, характеризующихся наличием множества организаций и пересечения различных вопросов.

В китайской литературе развитие региональной координации связывается с ростом субъектности Центральной Азии. Гу Вэй (2020) описывает переход от единой организационной модели к множественным платформам. Чжан Нин (2022) рассматривает консультативные встречи глав государств как признак формирования внутреннего политического центра региона. Цзэн Сянхун (2024) подчёркивает расширение повестки, гибкость механизмов и влияние крупномасштабных международных изменений.

Литература после 2022 г. концентрируется на трёх темах: изменении торговли и логистики под влиянием санкций; усилении суверенной риторики и многовекторности; сохранении роли российского рынка труда, энергетики и безопасности. Материалы OECD (2023) показывают, что санкционный шок не просто сократил связи, а изменил их структуру, повысив значение реэкспорта, комплаенса и новых транспортных маршрутов¹.

Современные исследования в китайской академической среде всё больше сосредоточены на стратегической автономии и перестройке модели безопасности. Сюй Тао (2025) объясняет рост осознания стратегической автономии стран Центральной Азии зрелостью процесса национального формирования, диверсификацией внешних влияющих факторов и улучшением регионального сотрудничества; Сунь Чжуанчжи (2025) анализирует сложность безопасностных рисков в условиях конкуренции крупных держав; Хуан Дэньсюэ и Хань Кэ (2025) рассматривают эффективность Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с точки зрения противоречий между возможностями доминирующей державы и развитием институциональной базы; Ян Цзинь (2026) использует теорию комплексной региональной безопасности для анализа структуры безопасности после конфликта между Россией и Украиной. Учитывая, что данные о публикациях за 2025–2026 гг. ещё не полностью доступны, в данной статье они используются исключительно в качестве ориентира для исследовательских тем и точек зрения, а не в качестве единственного источника ключевых данных.

¹ В отчёте Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Упрощение торговли в Центральной Азии», опубликованном в 2023 г., а также в связанных исследованиях эта ключевая идея чётко изложена. Данное наблюдение ясно демонстрирует структурные изменения в региональной экономике, вызванные геополитическими конфликтами, а не просто разрывом связей между странами.

Несмотря на значительный объём исследований, недостаточно изучено обратное воздействие внутрирегиональной интеграции на российскую стратегию. Также отсутствует единая модель, соединяющая структурную зависимость, институциональное предложение и региональную субъектность. Настоящая статья заполняет этот пробел посредством разделения российского влияния на пять функциональных измерений и сравнительного анализа трёх этапов. Таким образом, теоретическая новизна данной статьи заключается в следующем: во-первых, интеграция определяется как «способность к координации внутри региона», а не просто расширение числа организационных участников; во-вторых, влияние России разбивается на пять измерений — институциональное обеспечение, безопасные общественные блага, экономические сети, социальные связи и нормативная легитимность; в-третьих, на основе сравнения этапов развития показано, что укрепление эндогенной интеграции в Центральной Азии не только ограничивает гегемонию России по иерархической структуре, но и создаёт новые возможности для её участия в предоставлении региональных общественных благ в качестве равноправного партнёра.

Теоретические основы и аналитическая модель

Новый регионализм используется как общая теоретическая перспектива. В отличие от подходов, измеряющих интеграцию через таможенный союз, общий рынок и наднациональные органы, он рассматривает регион как открытую систему, в которой взаимодействуют государства, международные организации, предприятия и транснациональные сети. Центральноеазиатская интеграция определяется как низкоинституционализированный, но устойчиво углубляющийся процесс координации.

Исторический институционализм объясняет зависимость от предшествующего пути развития. Советские железнодорожные направления, трубопроводы, производственная специализация, русский язык и трудовая мобильность создали начальные условия, которые продолжили действовать после 1991 г. Критическими поворотными моментами стали распад СССР, антитеррористическая повестка после 2001 г., Таможенный союз 2010 г., изменение политики Узбекистана после 2016 г. и специальная военная операция после 2022 г. Новые механизмы, как правило, накладываются на прежние сети, а не полностью их заменяют.

Региональная субъектность определяется как способность государств Центральной Азии самостоятельно устанавливать приоритеты регионального сотрудничества и организовывать коллективные действия без монополизации по-

вестки одним внешним актором. Наблюдаемыми признаками являются устойчивость механизмов, объединяющих только государства региона; самостоятельное урегулирование трансграничных вопросов; диверсификация партнёров; развитие альтернативных транспортных маршрутов; способность вести переговоры с внешними институтами на более выгодных условиях.

В исследовании проверяются следующие гипотезы.

H1. Чем выше степень институционализации внутреннего сотрудничества Центральной Азии, тем слабее способность России формировать региональный порядок на исключительной основе, но тем шире возможности её участия в качестве функционального партнёра.

H2. Российское влияние изменяется несинхронно: экономическая центральность и нормативная легитимность снижаются быстрее, чем устойчивость связей в безопасности, энергетике, трудовой миграции и языковой сфере.

H3. События после 2022 г. являются ускорителем функциональной трансформации, но не точкой выхода России из Центральной Азии. Они одновременно стимулируют диверсификацию и усиливают отдельные формы взаимозависимости.

Данные и методы

Исследование охватывает 1991–2025 гг. и пять государств Центральной Азии: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Выбор полного регионального набора позволяет учитывать различия между членами и не членами ЕАЭС и ОДКБ, экспортёрами и импортёрами рабочей силы, а также государствами с различными моделями внешней политики.

Источники отбирались по трём критериям: приоритет договоров, правительственных документов и баз международных организаций; сопоставимость статистики; представленность русскоязычной, китайской и англоязычной литературы. Используются документы СНГ, ОДКБ, ШОС и ЕАЭС, материалы консультативных встреч, данные Евразийской экономической комиссии, Всемирного банка и OECD, а также национальные статистические публикации.

Процесс-трейсинг применяется для выявления ключевых событий и механизмов перехода между этапами. Сравнительно-исторический анализ используется для сопоставления институциональной структуры, приоритетов и функций России. Анализ документов охватывает учредительные договоры, концепции внешней политики и решения региональных саммитов. Описательная статистика применяется для проверки направленности изменений торговли, денежных переводов и институциональных связей.

Таблица 1

Операционализация ключевых понятий

Table 1

Operationalization of Key Concepts

Концепт	Измерение	Наблюдаемые индикаторы
Региональная субъектность	Внутренняя координация	Регулярность встреч; совместные инициативы; урегулирование границ и трансграничных вопросов
	Диверсификация	Структура партнёров; альтернативные маршруты; участие в разных форматах
Роль России	Экономические сети	Торговля, инвестиции, энергетика, расчёты, производственные цепочки
	Безопасность	Военная инфраструктура, обучение, учения, кризисное реагирование
	Социальные связи	Миграция, переводы, русский язык, образование и медиа
	Институциональное предложение	СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, двусторонние режимы
	Нормативная легитимность	Приемлемость лидерства, согласованность позиций, восприятие суверенитета

Источник: составлено автором на основе теоретической модели исследования.

Интенсивность российской роли R представлена как совокупность пяти измерений: экономические сети E , общественные блага в сфере безопасности S , институциональное предложение I , социально-культурные связи C и нормативная легитимность L . Исследование не формирует псевдоточный интегральный индекс. Вместо этого применяется структурированное сфокусированное сравнение, в котором качественные оценки проверяются торговыми, миграционными и институциональными данными.

Исследование не использует причинно-эконометрическую оценку. Такое ограничение связано с неоднородностью национальной статистики, влиянием реэкспорта, неформальной миграции, ценовых и валютных изменений. Поэтому выводы относятся к идентификации механизмов и устойчивых тенденций, а не к оценке точных предельных эффектов.

Результаты исследования

Три этапа центральноазиатской интеграции

Государственное строительство и внешне обеспечиваемое сотрудничество, 1991–2004 гг.

Основным противоречием первого этапа было сочетание суверенного государственного строительства с сохранением советской взаимозависимости. Соглашение о создании СНГ обеспечило минимальную политическую и экономическую координацию, но не сформировало жёстких механизмов исполнения¹. Договор о коллективной безопасности 1992 г. поддерживал общее оборонное пространство, а Россия играла заметную роль в мирном урегулировании в Таджикистане, защите границ и военно-технической помощи².

¹ Единый реестр правовых актов СНГ. (1991, 8 декабря). Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. URL: <https://eccis.org/document/1> (дата обращения: 20.07.2026).

² Официальный портал ОДКБ. (1992, 15 мая). Договор о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/

Одновременно Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан создали в 1994 г. Центральное-азиатский экономический союз, к которому позднее присоединился Таджикистан³. Организация фокусировалась на общем рынке, транспорте и водных ресурсах, но столкнулась с конкуренцией, сходством экономических структур, слабым исполнением решений и угрозами из Афганистана. Включение этой структуры в Евразийское экономическое сообщество в 2004 г. обозначило переход от первой самостоятельной региональной попытки к более широкому формату с ведущей ролью России⁴.

В этот период Россия выполняла функции гаранта безопасности и распорядителя постсоветского институционального наследия. Однако её экономические ресурсы были недостаточны для полной модернизации региона. Усиление присутствия США после 2001 г. и создание ШОС расширили число внешних институтов, что стало началом перехода от моноцентричной к множественной структуре⁵.

Институционализация российских инициатив и множественная интеграция, 2005–2017 гг.

Второй этап характеризовался укреплением формальных евразийских институтов и одновременной диверсификацией внешних связей. Таможенный союз России, Беларуси

(дата обращения: 20.07.2026).

³ Единый реестр правовых актов СНГ. (1994, 30 апреля). Договор о создании Единого экономического пространства. URL: <https://eccis.org> (дата обращения: 20.07.2026).

⁴ Единый реестр правовых актов СНГ. (2004, 18 октября). Решение об интеграции организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» в Евразийское экономическое сообщество. URL: <https://eccis.org> (дата обращения: 20.07.2026).

⁵ Официальный портал ШОС. (2001, 15 июня). Декларация о создании «Шанхайской организации сотрудничества». URL: <https://rus.sectsco.org/20010615/1608450.html> (дата обращения: 20.07.2026).

Таблица 2

Этапы развития центральноазиатской интеграции

Table 2

Stages of Central Asian Integration

Этап	Период	Основные механизмы	Ключевые интересы стран региона	Роль России
I	1991–2004	СНГ; ДКБ; Центральноазиатское экономическое сообщество; ранняя ШОС	Суверенитет; безопасность; сохранение базовых связей	Гарант безопасности; распорядитель наследия
II	2005–2017	ЕврАзЭС; Таможенный союз; ЕАЭС; ОДКБ; ШОС	Доступ к рынкам; мобильность труда; институциональный баланс	Конструктор и лидер институтов
III	2018–2025	Консультативные встречи; Китай – Центральная Азия; Транскаспийский маршрут; существующие евразийские механизмы	Стратегическая автономия; субъектность; диверсификация маршрутов и партнёров	Функциональный координатор; выборочный поставщик общественных благ

Источник: составлено автором.

и Казахстана начал работу в 2010 г.¹; в 2015 г. был создан ЕАЭС, к которому присоединился Кыргызстан. Союз обладал более развитой правовой базой, постоянной комиссией, единым тарифом и механизмами разрешения споров².

Членство государств Центральной Азии осталось дифференцированным. Казахстан и Кыргызстан вошли в ЕАЭС, тогда как Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан сохранили дистанцию различной степени. Казахстан настаивал на экономической природе объединения, Узбекистан — на автономии политики, Туркменистан — на постоянном нейтралитете. Это показывает, что евразийская интеграция стала лишь одним уровнем региональной архитектуры.

В сфере безопасности ОДКБ сформировала институциональные условия для российского военного присутствия, быстрого реагирования и совместных учений. В 2002 г. Договор о коллективной безопасности был преобразован в Организацию по договору о коллективной безопасности — первую официальную региональную военно-политическую альянсную структуру в космической зоне бывшего Советского Союза, которая предоставила России институциональные механизмы для легального размещения войск в Центральной Азии и оперативного вмешательства при кризисах³. В 2003 г. Россия разместила свои войска на авиабазе Канте в Кыргызстане и совместно с 201-й дивизией Таджикистана создала двойной военный опорный пункт в Центральной

Азии⁴. ШОС обеспечивала более широкую площадку, объединяя Россию, Китай и государства Центральной Азии. Россия перешла от прямого контроля к поддержанию влияния через институциональную встроенность.

Внутренняя координация и открытый регионализм, с 2018 г. по настоящее время

Начало регулярных консультативных встреч глав государств Центральной Азии в 2018 г. стало основным институциональным признаком третьего этапа. Формат не включает внешние державы и не создаёт жёстких наднациональных органов, но способствует координации вопросов границ, транспорта, воды, торговли и безопасности⁵.

Региональная интеграция приобретает открытый и проектный характер. Государства одновременно участвуют в ЕАЭС, ШОС, СНГ, ОДКБ, Организации тюркских государств, механизме «Китай — Центральная Азия», C5+1 и проектах Транскаспийского маршрута. Наложение институтов становится не только источником фрагментации, но и инструментом функционального разделения и диверсификации рисков.

Три этапа различаются прежде всего структурой агентности: первый был ориентирован на суверенное выживание и внешнее обеспечение безопасности; на втором этапе параллельно развивались официальная система, контролируемая Россией, и внешняя диверсификация; третий этап характеризуется улучшением способности стран Центральной Азии к самокоординации. Россия остаётся важным участником, но утрачивает монополию на определение содержания интеграции.

¹ Eurasian Economic Commission. (2007, October 6). Dogovor o Sozdanii Edinoi Tamozhennoy Territorii i Formirovanii Tamozhennogo Soyuzu [Treaty on the Creation of a Single Customs Territory and the Formation of the Customs Union]. EEC Official Portal. URL: <https://eaeunion.org> (дата обращения: 20.07.2026).

² Правовой портал ЕАЭС. (2014, 29 мая). Договор о Евразийском экономическом союзе. URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения: 20.07.2026).

³ Официальный портал ОДКБ. (2002, 7 октября). Устав Организации Договора о коллективной безопасности. URL: <https://odkb-csto.org/> (дата обращения: 20.07.2026).

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации РФ. (2003, 22 сентября). Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания российской авиационной базы на территории Киргизской Республики. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.07.2026).

⁵ Официальный сайт Президента Республики Казахстан. (2018, 15 марта). Совместное заявление Консультативной встречи глав государств Центральной Азии. URL: <https://www.akorda.kz> (дата обращения: 20.07.2026).

Функциональная трансформация роли России

Изменение российской роли может быть описано как переход от гарантирования к институциональному лидерству и далее к координации. Эти функции не заменяют друг друга полностью. В 1990-е гг. легитимность российского участия опиралась на потребность в безопасности и сохранение базовых связей. В 2000-е гг. Москва стремилась превратить фактическое влияние в преимущества правил и организаций. После 2018 г. российское участие всё в большей степени должно подтверждаться измеримыми выгодами конкретных проектов.

Безопасность остаётся наиболее устойчивым измерением. Россия располагает военной инфраструктурой в Кыргызстане и Таджикистане, сотрудничает с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном в ОДКБ и предоставляет вооружение, обучение, разведывательную информацию и поддержку по афганскому направлению. Операция ОДКБ в Казахстане в январе 2022 г. продемонстрировала способность к быстрому вмешательству. Однако ухудшение отношений Армении с Организацией коллективной безопасности, а также ограниченная роль Армении в конфликте на границе с Гицатом показали несоответствие между правилами коллективной обороны, восприятием угроз со стороны государств-членов и ресурсами доминирующей страны.

Экономическая роль России меняется от центрального рынка к крупному сетевому узлу. Россия остаётся важным торговым партнёром, источником энергии, инвестиций и занятости, но Китай занимает всё более сильные позиции в торговле товарами, инфраструктуре и новых инвестициях. Преимущества России в основном сосредоточены в сферах транспортировки энергоресурсов, продовольствия, металлов, машиностроения, финансовых расчётов и существующих производственных цепочек, а не в масштабном экспорте капитала. После санкций торговые связи между Россией и Центральной Азией выросли: часть этого роста обусловлена реальным спросом и перестройкой цепочек поставок, часть — повторным экспортом и изменениями в методологии статистики; однако это нельзя напрямую рассматривать как восстановление структурного влияния России.

Социокультурные роли демонстрируют межпоколенческую дифференциацию. Русский язык по-прежнему остаётся важным языком в региональном трансграничном обмене, образовании, медиа и на рынке труда; российские высшие учебные заведения, телевидение и цифровые платформы обладают значительным влиянием. Однако после распада Советского Союза у молодёжи снизилась привязанность к общей исторической идентичности, а их отношения с Россией всё больше ориентируются на трудо-

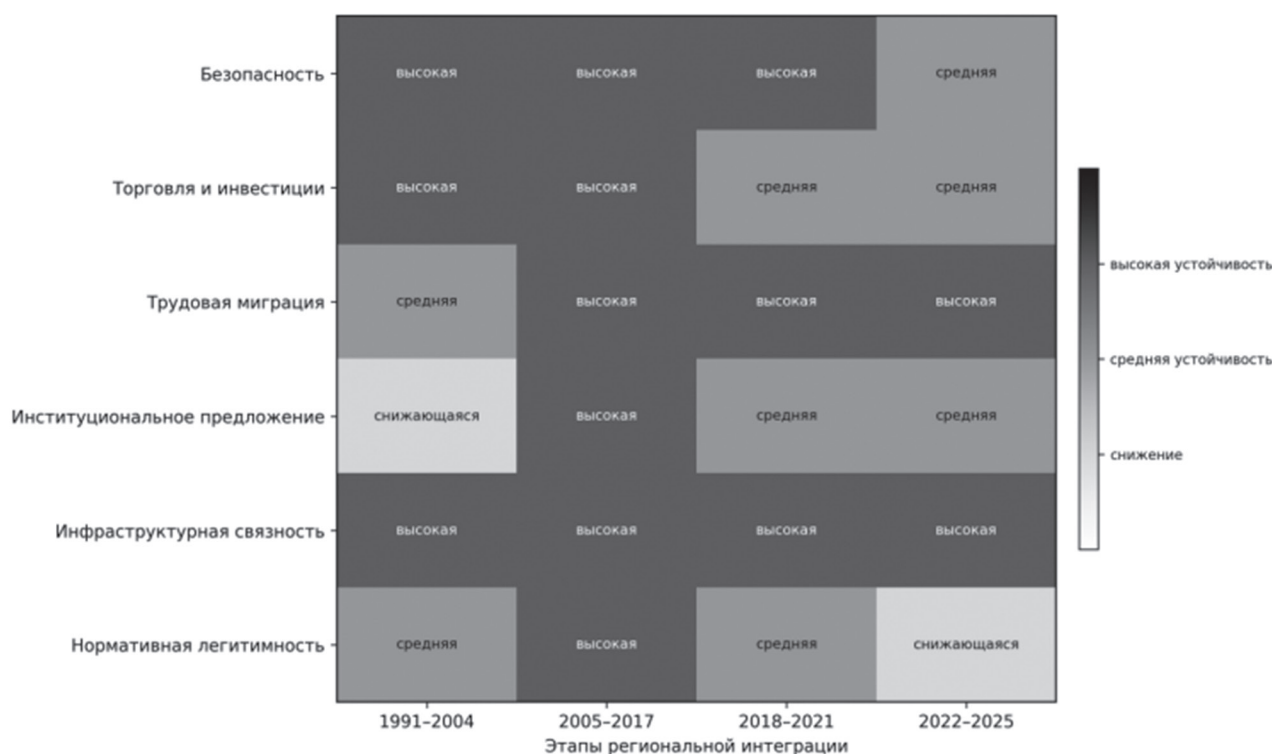

Рис. 1. Динамика российского влияния по функциональным измерениям (Примечание: шкала отражает результаты структурированного качественного сравнения и не является количественным индексом)(источник: составлено автором)

Fig. 1. Dynamics of Russian Influence across Functional Dimensions (Source: compiled by the author)

устройство, образование и профессиональные возможности. В результате культурное влияние России постепенно переходит от формирования идентичной общности к формированию инструментальных социальных сетей.

Роль институтов смещается от эксклюзивной интеграции к координации между различными институтами. В 2018 г. Китай и Евразийский экономический союз подписали соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве; в 2023 г. Евразийский экономический союз утвердил декларацию развития на период до 2030 и 2045 годов — оба документа свидетельствуют о необходимости согласования российских институциональных подходов с китайскими инициативами, национальными стратегиями развития и новыми транспортными коридорами. Дальнейшее влияние российских институтов зависит от того, будут ли допускаться дифференцированные формы участия, будут ли снижены нетарифные барьеры и будет ли повышена совместимость между организациями (рис. 1).

Торговля и внутренний рынок ЕАЭС

По данным Евразийской экономической комиссии, доля взаимной торговли в совокупной внешней торговле ЕАЭС увеличилась с 13,6 % в 2015 г. до 18,6 % в 2023 г., а объём взаимной торговли в 2024 г. приблизился к 100 млрд долл. США. Это свидетельствует о повышении значения внутреннего рынка в условиях санкций, пандемии и глобальной нестабильности цепочек поставок.

Данный показатель не должен интерпретироваться как характеристика всей Центральной Азии: только Казахстан и Кыргызстан являются членами ЕАЭС. Рост внутрисоюзной торговли отражает устойчивость одного слоя региональной интеграции, но не заменяет анализа отношений России со всеми пятью государствами.

Официальные сообщения указывают, что торговля России с пятью государствами Централь-

ной Азии в 2023 г. превысила 44 млрд долл. США. Одновременно в структуре внешней торговли Казахстана доля Китая стала выше российской. Эти тенденции подтверждают гипотезу H2: абсолютный объём российских связей может расти при одновременном снижении относительной центральности.

Инвестиции, производственные цепочки и транспортные коридоры

Инвестиционная сфера наиболее отчётливо показывает структурное изменение российской роли. Российские компании сохраняют достигнутые позиции в нефти и газе, горнодобывающей промышленности, электроэнергетике, телекоммуникациях, финансах и розничной торговле. Китай расширяет инвестиции в инфраструктуру, энергетику и обрабатывающую промышленность, а западные и ближневосточные инвесторы входят в проекты критических минералов, зелёной энергетики и логистики.

Стратегия, ориентированная исключительно на контроль транспортных направлений и закрытость рынка, не соответствует потребностям государств Центральной Азии в индустриализации. Хейфец и Чернова (2024) предлагают перейти к совместным производственным проектам, технологиям и трансграничным цепочкам стоимости. Такой подход соответствует переходу России от статуса доминирующего рынка к роли участника совместного развития.

Диверсификация коридоров не означает утраты значения северных маршрутов. Российская железнодорожная и энергетическая инфраструктура сохраняет преимущества масштаба, пропускной способности и накопленных активов. Транскаспийский маршрут, железная дорога Китай — Кыргызстан — Узбекистан и южные направления повышают возможности переговоров государств региона. Вероятный результат состоит в сосуществовании и взаимодополнении

Таблица 3

Отдельные показатели экономической взаимосвязанности

Table 3

Selected Indicators of Economic Interconnectedness

Показатель	2015 г.	2020 г.	2022 г.	2023/2024 гг.	Интерпретация
Доля внутренней торговли ЕАЭС во внешней торговле Союза	13,6 %	14,9 %	15,5 %	18,6 % (2023)	Рост веса внутреннего рынка
Взаимная торговля ЕАЭС	—	—	—	около 100 млрд долл. (2024)	Региональная перестройка торговли
Торговля России с пятью странами Центральной Азии	—	—	—	свыше 44 млрд долл. (2023)	Сохранение крупных абсолютных связей
Переводы в Кыргызстан, % ВВП	—	—	—	17,6 % (2024)	Макроэкономическая значимость миграционных связей

Примечание: показатели имеют различную методологию и используются только для сопоставления тенденций.

Источник: Eurasian Economic Commission; World Bank; официальные открытые данные.

коридоров, а не в полном замещении одного маршрута другим.

**Безопасность, трудовая миграция
и денежные переводы**

Безопасная взаимосвязанность определяется не только числом военных объектов, но и совместимостью вооружений, системами подготовки, обменом информацией и способностью к кризисному реагированию. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан входят в ОДКБ, Узбекистан и Туркменистан следуют иной модели, а все пять государств участвуют в ШОС, поэтому

региональная безопасность представляет собой сочетание коллективной обороны, антитеррористического сотрудничества, двусторонних связей и самостоятельной национальной политики.

Трудовая миграция является одним из наиболее устойчивых и одновременно уязвимых оснований российского влияния. Российский рынок обеспечивает занятость значительной части работников из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, а переводы поддерживают потребление домохозяйств и платёжные балансы. В Кыргызстане личные переводы в 2024 г. составляли около 17,6 % ВВП.

Таблица 4

Функциональное распределение транспортных и интеграционных платформ

Table 4

Functional Distribution of Transport and Integration Platforms

Платформа/маршрут	Основная функция	Экономическое значение	Ограничения
Северные маршруты через Россию	Традиционный транзит; энергетика; крупные мощности	Низкие издержки существующей инфраструктуры; доступ к рынкам ЕАЭС	Санкционные и политические риски
Транскаспийский международный транспортный маршрут	Выход к Кавказу и Европе	Диверсификация экспорта и транзита	ПЕРЕГРУЗКИ, стоимость, координация нескольких юрисдикций
Китай — Кыргызстан — Узбекистан	Связь Китая с Ферганской долиной и западными направлениями	Новые логистические и промышленные возможности	Капиталоёмкость и сложность реализации
Механизм Китай — Центральная Азия	Инвестиции, инфраструктура, торговля	Рост связности и финансирования	Асимметрия экономических потенциалов
ЕАЭС	Единые правила части рынка	Снижение отдельных торговых барьеров и мобильность труда	Неполный охват Центральной Азии; нетарифные барьеры

Источник: составлено автором на основе документов и открытых аналитических материалов.

Рис. 2. Функциональный профиль роли России в Центральной Азии (шкала 0–5 представляет авторское аналитическое кодирование, а не официальную статистику; оценки сформированы на основе подтвержденных торговых данных, институционального охвата и качественного анализа функций) (источник: составлено автором)

Fig. 2. Functional Profile of Russia's Role in Central Asia (Source: compiled by the author)

Эта взаимозависимость создаёт не только выгоды, но и риски. Колебания рубля, ужесточение миграционной политики, дискриминация и резонансные события быстро передаются экономикам стран происхождения мигрантов. Следовательно, миграционный канал должен рассматриваться как региональный рынок труда, требующий координации квалификаций, социальных гарантий, переводов и правовой защиты.

Институциональная перестройка после 2022 г.

События после 2022 г. изменили три параметра оценки России. Во-первых, государства Центральной Азии стали разделять потребность в российской безопасности и опасения относительно применения силы и принципа территориальной целостности. Позиция Казахстана по непризнанию квазигосударственных образований показала стремление отделять сотрудничество от вопросов суверенитета.

Во-вторых, санкции политизировали торговлю. Предприятия получили новые возможности от перенаправления поставок, но столкнулись с банковскими ограничениями, экспортным контролем и риском вторичных санкций. По данным OECD, экспорт Казахстана в Россию в первые пять месяцев 2023 г. вырос на 45,1 %, одновременно увеличился импорт из ЕС и Великобритании. Это отражает сочетание реэкспорта, новых цепочек поставок и роста затрат на комплаенс.

В-третьих, изменилось значение региональных форматов. Консультативные встречи стали центральным выражением внутренней субъектности; саммит Китай — Центральная Азия сформировал новый уровень сотрудничества; Транскаспийский маршрут и Организация тюркских государств получили дополнительную экономическую значимость. ЕАЭС и ОДКБ сохраняются, но больше не способны единолично структурировать региональный порядок.

Полученные результаты подтверждают Н1 и Н3. Региональная субъектность ограничивает исключительное лидерство России, но снижает необходимость выбора между взаимоисключающими партнёрами. Если Россия принимает открытый регионализм, она может сохранить важную роль в энергии, миграции, транспортной связности, безопасности и производственных цепочках. Если интеграция превращается в проверку политической лояльности, стимулы к развитию альтернативных механизмов усиливаются.

Обсуждение результатов

Соотношение с предыдущими исследованиями

Результаты показывают ограниченность как тезиса о полном упадке России, так

и утверждения о сохранении её безусловного доминирования. Подтверждается вывод Silvan (2021) о дифференцированной и нелинейной динамике. Относительное ослабление наиболее выражено в торговле и нормативной привлекательности; устойчивость выше в миграции, безопасности, энергетике и языковых сетях.

В отличие от подходов, описывающих Центральную Азию преимущественно как арену российско-китайского соперничества, настоящее исследование рассматривает выбор государств региона как самостоятельную переменную. Положение внешних держав зависит не только от объёма вложенных ресурсов, но и от того, какие институты, правила и проекты выбирают сами государства Центральной Азии.

Теоретический вклад

Первый вклад состоит в разграничении центральноазиатской и евразийской интеграции. Первая отражает внутреннюю координацию пяти государств, общую региональную идентичность и коллективную способность к переговорам. Вторая относится к более широким институтам с ведущей ролью России и частичным участием стран региона. Эти процессы могут конкурировать, но также способны дополнять друг друга.

Второй вклад связан с переходом от статусной к функциональной трактовке власти. Статусная власть опирается на историю, сферу влияния и центральность институтов. Функциональная — на способность предоставлять безопасность, рынок, энергию, технологии, финансы и транспортные возможности. Российские ресурсы сохраняют значение, но их востребованность всё больше определяется измеримой полезностью.

Третий вклад заключается в интерпретации многовекторности как механизма управления рисками. Диверсификация партнёров, маршрутов, организаций и внешнеполитических позиций снижает вероятность системного сбоя, связанного с зависимостью от одного рынка, финансового канала или гаранта безопасности.

Практические и политико-экономические выводы

Институциональное сопряжение должно быть переведено в конкретные экономические механизмы: согласование стандартов ЕАЭС, инициативы «Пояс и путь» и механизма «Китай — Центральная Азия»; цифровая совместимость таможенных процедур на северных, Транскаспийском маршрутах и МТК «Север — Юг»; распределение задач между ОДКБ, ШОС и внутренними механизмами безопасности; взаимное признание квалификаций и координация социальной защиты мигрантов.

Таблица 5

Проверка исследовательских гипотез

Table 5

Testing the Research Hypotheses

Гипотеза	Основной результат	Статус
H1	Рост внутренней координации ограничивает исключительное лидерство России, но расширяет возможности функционального участия	Подтверждена
H2	Экономическая и нормативная динамика меняется быстрее, чем безопасность, миграция, энергетика и язык	Подтверждена
H3	2022 г. ускорил диверсификацию и перестройку, но не стал точкой разрыва связей	Подтверждена с оговорками о высокой неопределённости

Источник: результаты структурированного сравнения автора.

Для России наиболее устойчивой стратегией является переход от контроля потоков к участию в создании региональной добавленной стоимости. Это предполагает совместные промышленные проекты, технологическое сотрудничество, прозрачные правила расчётов, снижение нетарифных барьеров и улучшение управления трудовой миграцией.

Для государств Центральной Азии укрепление внутренней координации повышает качество переговоров с внешними партнёрами. Однако проектный характер интеграции требует повышения исполнительской дисциплины, развития секретариатских функций и механизмов оценки совместных решений без создания чрезмерно жёсткой наднациональной структуры.

Ограничения исследования

Исследование имеет три ограничения. Во-первых, торговые данные после 2022 г. искажены реэкспортом, изменением цен и валютных курсов. Во-вторых, пять государств существенно различаются по размерам, ресурсам и внешнеполитическим моделям. В-третьих, открытая статистика не позволяет полноценно измерить неформальную миграцию, элитные сети и обмен разведывательной информацией. В будущих исследованиях может быть построена панель «страна — функция», объединены таможенные микроданные, проведены опросы предприятий и общественного мнения.

Заключение

В исследовании выделены три этапа центральноазиатской интеграции: государственное строительство и внешнеобеспечиваемое сотрудничество в 1991–2004 гг.; институционализация российских инициатив и множественная интеграция в 2005–2017 гг.; внутренняя координация и открытый регионализм после 2018 г. Критерием периодизации является не количество организаций, а распределение права устанавливать региональную повестку и изменение способов сотрудничества.

Роль России трансформировалась от гаранта безопасности и распорядителя советского наследия к конструктору институтов, а затем к функциональному координатору и выборочному поставщику региональных общественных благ. Эта трансформация неравномерна: экономическая центральность и нормативная легитимность снижаются относительно быстрее, тогда как миграция, энергетика, безопасность и русский язык как средство международного общения сохраняют значительную устойчивость.

События после 2022 г. ускорили структурную перестройку. Государства региона укрепляют суверенную позицию, альтернативные маршруты и разнообразие партнёров, продолжая использовать российские рынки, энергию, институты и безопасность. Региональный порядок приобретает многоуровневый характер: консультативные встречи выполняют внутреннюю политическую координацию; ЕАЭС предоставляет часть рыночных правил; ШОС поддерживает широкое сотрудничество в сфере безопасности; механизм «Китай — Центральная Азия» и Организация тюркских государств расширяют инфраструктурную и экономическую повестку.

Для России перспективная стратегия включает признание стратегической автономии государств Центральной Азии; снижение нетарифных барьеров и повышение прозрачности ЕАЭС; расширение безопасности на приграничное управление, киберугрозы и чрезвычайные ситуации; улучшение миграционного управления; координацию конкретных проектов с китайскими и транскаспийскими инициативами.

Следовательно, будущее российского участия определяется переходом от конкуренции за статус ведущей державы к конкуренции за качество общественных благ. Рост региональной субъектности не исключает Россию, но сокращает пространство для любой внешней силы, стремящейся построить закрытый и исключительный порядок.

Список источников

- Вардомский, Л. Б., Кузьмина, Е. М., Шурубович, А. В. (2005). Евразийское экономическое сообщество: особенности и проблемы развития. *Проблемы прогнозирования*, (6), 116–132.
- Малашенко, А. В. (2012). *Центральная Азия: на что рассчитывает Россия?* Москва: РОССПЭН, 118.
- Тренин, Д. (2008). Уход из СНГ: конец концепции «ближнего зарубежья» во внешней политике России. *Международные отношения*, 84(3), 419–433.
- Хейфец, Б. А., Чернова, В. Ю. (2024). Новый взгляд на стратегию экономической интеграции России со странами Центральной Азии в современных геополитических реалиях мировой экономики. *Россия и современный мир*, (1(122)), 7–24. <https://doi.org/10.31249/rmw/2024.04.03>.
- Шанхайская организация сотрудничества. (2001). *Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества*. Шанхай, 4. URL: <https://rus.sectso.org> (дата обращения: 20.07.2026).
- Allison, R. (2004). Regionalism, regional structures and security management in Central Asia. *International Affairs*, 80(3), 463–483. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x>
- Cooley, A. (2012). *Great games, local rules: The new great power contest in Central Asia*. Oxford: Oxford University Press, 272.
- Dragneva, R., & Wolczuk, K. (2017). *The Eurasian Economic Union: Deals, rules and the exercise of power (research paper)*. London: Chatham House, 15.
- Hettne, B., & Söderbaum, F. (2000). Theorising the rise of regionness. *New Political Economy*, 5(3), 457–472. <https://doi.org/10.1080/713687778>
- Jackson, N. J. (2003). *Russian foreign policy and the CIS: Theories, debates and actions*. London: Routledge, 240.
- Kazantsev, A., Medvedeva, S., & Safranchuk, I. (2021). Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 12(1), 57–71. <https://doi.org/10.1177/1879366521998242>
- Laruelle, M. (Ed.). (2017). *New voices from Central Asia: Political, economic, and societal challenges and opportunities*. Washington, D.C.: The George Washington University, 168.
- Libman, A., & Vinokurov, E. (2012). *Holding-together regionalism: Twenty years of post-Soviet integration*. London: Palgrave Macmillan, 286.
- OECD. (2023). *Trade facilitation in Central Asia*. Paris: OECD Publishing, 80. <https://doi.org/10.1787/80ed999c-en>
- Olcott, M. B. (1996). *Central Asia's new states: Independence, foreign policy, and regional security*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 202.
- Roy, O. (2000). *The new Central Asia: The creation of nations*. New York: New York University Press, 222.
- Silvan, K. (2021). Russian policy towards Central Asia 30 years after the collapse of the Soviet Union: Sphere of influence shrinking? *FIIA Briefing Paper*, (322), 8.
- Silvan, K. (2022). Russia's connectivity strategies in Eurasia: Politics over Economy. *FIIA Briefing Paper*, (343), 7.
- World Bank. (2024). *Migration and development brief 40*. Washington, D.C.: World Bank, 52.
- 王志 [Ван, Ч.] (2018). 欧亚经济联盟：进展与挑战 [Евразийский экономический союз: прогресс и вызовы]. *俄罗斯研究 [Российские исследования]*, (6), 27–58.
- 王志 [Ван, Ч.] (2023). 国际组织与地区治理：欧亚“多重一体化”现象研究 [Международные организации и региональное управление: исследование феномена евразийской «мульти-интеграции»]. *国际论坛 [Международный форум]*, (3), 105–123.
- 顾伟 [Гу, В.] (2020). 中亚一体化的架构变化与发展前景 [Структурные изменения и перспективы развития интеграции в Центральной Азии]. *国际关系研究 [Исследования международных отношений]*, (2), 9–30.
- 柳丰华 [Лю, Ф. Х.] (2007). 俄罗斯在中亚：政策的演变 [Россия в Центральной Азии: эволюция политики]. *国际政治研究 [Исследования международной политики]*, (2), 60–69.
- 孙壮志 [Сунь, Чж. Чж.] (2025). 大国博弈下的中亚安全形势：现状与前景 [Ситуация в сфере безопасности в Центральной Азии в условиях игры великих держав: нынешнее состояние и перспективы]. *亚太安全与海洋研究 [Азиатско-Тихоокеанские исследования безопасности и моря]*, (3), 48–59.
- 许涛 [Сюй, Т.] (2025). 中亚国家战略自主意识增强：动因、目标与困境 [Усиление сознания стратегической автономии стран Центральной Азии: движущие силы, цели и дилеммы]. *俄罗斯研究 [Российские исследования]*, (4), 42–60.
- 黄登学, 韩柯 [Хуан, Д. С., Хань, К.] (2025). 大国主导、制度建设与集体安全条约组织低效化 [Доминирование великих держав, институциональное строительство и неэффективность Организации Договора о коллективной безопасности]. *俄罗斯学刊 [Российский академический журнал]*, (5), 45–66.
- 张宁 [Чжан, Н.] (2022). 中亚五国元首峰会与区域一体化新动向 [Саммит пяти глав государств Центральной Азии и новые тенденции в региональной интеграции]. *世界知识 [Мировые знания]*, (16), 32–33.
- 曾向红 [Цзэн, С.] (2024). 大变局下中亚地区合作的特点、动因及影响 [Характеристики, движущие силы и последствия регионального сотрудничества в Центральной Азии в условиях глобальной трансформации]. *当代世界 [Современный мир]*, (7), 32–37.
- 杨进 [Ян, Цз.] (2026). 俄乌冲突以来中亚安全格局新动向—基于区域安全复合体理论的考察 [Новые тенденции в сфере безопасности в Центральной Азии после российско-украинского конфликта: исследование на основе

теории региональных комплексов безопасности]. 俄罗斯东欧中亚研究 [Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии], (1), 115–135.

References

- Allison, R. (2004). Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia. *International Affairs*, 80(3), 463–483. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2004.00393.x>
- Cooley, A. (2012). *Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia*. Oxford: Oxford University Press, 272.
- Dragneva, R., & Wolczuk, K. (2017). *The Eurasian Economic Union: Deals, Rules and the Exercise of Power (Research Paper)*. London: Chatham House, 15.
- Gu, W. (2020). Zhongya yitihua de jiagou bianhua yu fazhan qianjing [Structural Changes and Development Prospects of Central Asian Integration]. *Guoji Guanxi Yanjiu [International Relations Studies]*, (2), 9–30. (In Chinese).
- Hettne, B., & Söderbaum, F. (2000). Theorising the Rise of Regionness. *New Political Economy*, 5(3), 457–472. <https://doi.org/10.1080/713687778>
- Huang, D. X., & Han, K. (2025). Daguo zhudao, zhidou jianshe yu Jiti Anquan Tiaoyue Zuzhi dixiaohua [Great Power Dominance, Institutional Building, and the Inefficiency of the Collective Security Treaty Organization]. *Eluosi Xuekan [Academic Journal of Russian Studies]*, (5), 45–66. (In Chinese).
- Jackson, N. J. (2003). *Russian Foreign Policy and the CIS: Theories, Debates and Actions*. London: Routledge, 240.
- Kazantsev, A., Medvedeva, S., & Safranchuk, I. (2021). Between Russia and China: Central Asia in Greater Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 12(1), 57–71. <https://doi.org/10.1177/1879366521998242>
- Kheifets, B. A., & Chernova, V. Yu. (2024). Novyj vzglyad na strategiyu ekonomicheskoy integratsii Rossii so stranami Tsentral'noy Azii v sovremennykh geopoliticheskikh realiyakh mirovoy ekonomiki [A New View of Russia's Economic Integration Strategy with Central Asian Countries in Modern Geopolitical Realities of the World Economy]. *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Contemporary World]*, (1(122)), 7–24. <https://doi.org/10.31249/rmw/2024.04.03>.
- Laruelle, M. (Ed.). (2017). *New Voices from Central Asia: Political, Economic, and Societal Challenges and Opportunities*. Washington, D.C.: The George Washington University, 168.
- Libman, A., & Vinokurov, E. (2012). *Holding-Together Regionalism: Twenty Years of Post-Soviet Integration*. London: Palgrave Macmillan, 286.
- Liu, F. H. (2007). Eluosi zai Zhongya: Zhengce de yanbian [Russia in Central Asia: Policy Evolution]. *Guoji Zhengzhi Yanjiu [The Journal of International Studies]*, (2), 60–69. (In Chinese).
- Malashenko, A. V. (2012). *Tsentral'naya Aziya: Na Chto Rasschityvaet Rossiya? [Central Asia: What is Russia Counting on?]*. Moscow: ROSSPEN, 118.
- OECD. (2023). *Trade Facilitation in Central Asia*. Paris: OECD Publishing, 80. <https://doi.org/10.1787/80ed999c-en>
- Olcott, M. B. (1996). *Central Asia's New States: Independence, Foreign Policy, and Regional Security*. Washington, D.C.: United States Institute of Peace Press, 202.
- Roy, O. (2000). *The New Central Asia: The Creation of Nations*. New York: New York University Press, 222.
- Shanghai Cooperation Organization. (2001). *Declaration on the establishment of the Shanghai Cooperation Organization*. Shanghai. 4 p. URL: <https://rus.sectsc.org> (Date of access: 20.07. 2026). (In Russ.)
- Silvan, K. (2021). Russian Policy Towards Central Asia 30 years after the Collapse of the Soviet Union: Sphere of Influence Shrinking? *FIIA Briefing Paper*, (322), 8.
- Silvan, K. (2022). Russia's Connectivity Strategies in Eurasia: Politics over Economy. *FIIA Briefing Paper*, (343), 7.
- Sun, Z. Z. (2025). Daguo boyi xia de Zhongya anquan xingshi: Xianzhuang yu qianjing [The Security Situation in Central Asia under Great Power Games: Current Status and Prospects]. *Yatai Anquan yu Haiyang Yanjiu [Asia-Pacific Security and Maritime Studies]*, (3), 48–59. (In Chinese).
- Trenin, D. (2008). Leaving the CIS: The End of the “Near Abroad” in Russian Foreign Policy. *Mezhdunarodnye Otnosheniya [International Affairs]*, 84(3), 419–433. (In Russ.)
- Vardomskii, L. B., Kuzmina, E. M., & Shurubovich, A. V. (2005). The Eurasian Economic Community: Its Features and Development Problems. *Problemy Prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 16(6), 639–648. (In Russ.)
- Wang, Z. (2018). Ouyajiang jingji lianmeng: jinzhan yu tiaozhan [The Eurasian Economic Union: Progress and Challenges]. *Eluosi yanjiu [Russian Studies]*, (6), 27–58. (In Chinese)
- Wang, Z. (2023). Guoji zuzhi yu diqu zhili: Ouya “duochong yitihua” xianxiang yanjiu [International Organizations and Regional Governance: A Study on the Phenomenon of Eurasian “Multi-Integration”]. *Guoji luntan [International Forum]*, (3), 105–123. (In Chinese)
- World Bank. (2024). *Migration and Development Brief 40*. Washington, D.C.: World Bank, 52.
- Xu, T. (2025). Zhongya guojia zhanlue zizhu yishi zengqiang: Dongyin, mubiao yu kunjing [Enhancement of Strategic Autonomy Awareness in Central Asian Countries: Drivers, Objectives and Dilemmas]. *Eluosi Yanjiu [Russian Studies]*, (4), 42–60. (In Chinese).
- Yang, J. (2026). E-Wu chongtu yilai Zhongya anquan geju xin dongxiang—Jiyu quyu anquan fuhe lilun de kaocha [New Trends in the Security Pattern of Central Asia since the Russia-Ukraine Conflict: A Study Based on the Theory of Regional

Security Complexes]. *Eluosi Dongou Zhongya Yanjiu [Research on Russia, Eastern Europe and Central Asia]*, (1), 115–135. (In Chinese).

Zeng, X. (2024). Da bianju xia Zhongya diqu hezuo de tedian, dongyin ji yingxiang [Characteristics, Drivers and Impacts of Central Asian Regional Cooperation under Global Transformation]. *Dangdai Shijie [Contemporary World]*, (7), 32–37. (In Chinese).

Zhang, N. (2022). Zhongya wuguo yuanshou fenghui yu quyue yitihua xin dongxiang [The Summit of Five Central Asian Heads of State and New Trends in Regional Integration]. *Shijie Zhishi [World Knowledge]*, (16), 32–33. (In Chinese)

Информация об авторе

Ли Юнхуэй — доктор юридических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом многостороннего регионального сотрудничества, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук; <https://orcid.org/0000-0002-3666-9131> (Китайская Народная Республика, 100007, г. Пекин, район Дунчэн, ул. Чжанцзычжун, д. 3; e-mail: liyonghui6768@163.com).

About the author

Yonghui Li — Dr. Sci (Law), Chief Research Fellow, Head of the Department of Multilateral Regional Cooperation, Institute of Russian, Eastern European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences (CASS); <https://orcid.org/0000-0002-3666-9131> (3, Zhangzizhong Rd., Dongcheng District, Beijing, People's Republic of China; e-mail: liyonghui6768@163.com).

Использование средств ИИ

При подготовке статьи инструменты искусственного интеллекта не использовались для генерации научного содержания, анализа данных или формирования выводов. Автор несет полную ответственность за содержание исследования, используемые данные и научные выводы.

Use of AI tools declaration

AI tools were not used for generating scientific content, analyzing data, or formulating research conclusions. The author assumes full responsibility for the content of the manuscript, data sources, and scientific findings.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Дата поступления рукописи: 15.02.2026.

Прошла рецензирование: 29.06.2026.

Принято решение о публикации: 03.07.2026.

Received: 15 Feb 2026.

Reviewed: 29 Jun 2026.

Accepted: 03 Jul 2026.